

КАССИАН МАРИНЕР

ЯД, ЧТО
СЛАЩЕ МЁДА

Кассиан Маринер

Яд, что слаще мёда

<https://litres.ru/74278562>

Аннотация

В день своего триумфа Гуань Юньси наградил меня не свадебным паланкином, а сталью меча. «Ты — лишь ступенька, о которую я вытер ноги», — его последние слова стали моим приговором. Но смерть отказалась принимать мою душу. Я пришла в себя за двадцать четыре часа до собственного убийства. У меня нет ни силы, ни чести, ни семьи, только память о боли и сутки, чтобы выжить. Мой единственный шанс — сделка с изгнанным принцем, чудовищем, чья улыбка опаснее яда. Но что, если мой спаситель окажется страшнее палача, а ненависть в моем сердце начнет уступать место разрушительной страсти?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	25
Глава 4	37
Глава 5	47
Глава 6	59
Глава 7	65
Глава 8	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Глава 1

Ветер в ту ночь пах жареным мясом, пролитым сливовым вином и тяжелой, удушливой пудрой, которой придворные дамы белили свои лица. Этот сладкий до тошноты и приправленный ледяной свежестью реки, что текла у подножия Башни Золотого Карпа, запах навсегда врезался мне в память.

Я стояла в тени резной колонны, стараясь быть незаметной. Мое платье идеально подходило для того, кто хочет слиться со стенами. Сегодня был не мой праздник. Сегодня весь мир лежал у ног Гуань Юньси.

Громкий смех, звон нефритовых кубков и фальшивые поздравления сливались в единый гул, от которого начинала болеть голова. В центре зала, в сиянии сотен свечей, стоял он. Высокий, безупречный, словно высеченный из цельного куска льда и облаченный в пурпурные шелка чиновника первого ранга.

Я смотрела на него, и сердце в груди сжималось от гордости и нежности. Я знала каждую морщинку в уголках его глаз, как он хмурится, когда читает сложные трактаты, знала солоноватый вкус его кожи и знала цену этому пурпурному халату. За каждую золотую нить, вышитую на нем, я заплатила куском своей души.

— За нового Министра Церемоний! — провозгласил туч-

ный советник, поднимая чашу. — Пусть его мудрость сияет так же ярко, как луна в середине осени!

— За благородного господина Гуаня! — подхватила толпа.

Гуань Юньси улыбнулся вежливой, сдержанной, чуть снисходительной улыбкой, которую я полюбила десять лет назад, когда мы были всего лишь детьми, мечтавшими о величии. Но в его темных глазах не было радости.

Я поправила широкий рукав, скрывая дрожащие пальцы. Моя духовная сила, некогда бурлившая в меридианах, напоминала тонкие, усохшие нити. Я отдала её ему всю, каплю за каплей, год за годом, чтобы он мог возвыситься и его развитие не останавливалось. Я стала его сосудом, лекарством и тайной поддержкой. Мой клан Мо, когда-то уважаемый за честность, разорился, оплачивая взятки нужным людям, чтобы расчистить путь для Гуань Юньси. Мы остались ни с чем, но это не имело значения, ведь он обещал.

«Когда я взойду на вершину, Юйлань, ты будешь стоять рядом со мной. Мы будем править этим миром вдвоем. Ты — моя единственная».

Его взгляд скользнул по толпе, равнодушно пропуская разнаряженных красавиц, и остановился в том темном углу, где стояла я. На мгновение маска отчужденности спала, он едва заметно кивнул мне, и жест этот был понятен только нам двоим: «Жди меня на террасе».

Я выдохнула, чувствуя, как напряжение отпускает плечи.

Он не забыл. Все эти шепотки за спиной, все насмешки о том, что «потасканная дочь обедневшего клана не пара сияющему фениксу», все это ложь. Он любит меня и никогда не забывал.

Я тихонько выскользнула из зала. Холодный воздух ночи ударил в лицо. Терраса Белых Слив была пуста. Деревья, высаженные вдоль перил, стояли голыми и черными на фоне луны, лишь кое-где на ветвях набухали почки, готовые взорваться цветом. Но сейчас они напоминали скрюченные пальцы стариков, тянущиеся к небу в безмолвной мольбе. Я подошла к краю. Внизу, далеко под ногами, расстилалась столица. Тысячи огней, тысячи судеб. Сегодня Гуань Юньси держал их всех в ладони.

Шаги за спиной были тихими, как поступь кошки. Я не обернулась сразу, позволяя себе секунду насладиться предвкушением. Запах изменился, теперь к аромату ночи примешался запах дорогой туши для письма и пыли старых свитков.

— Юйлань, — его голос был мягким, как бархат, но в нем не было тепла. Я обернулась. Он стоял в трех шагах от меня. Ветер трепал полы его халата, и в лунном свете он казался неземным существом, спустившимся с небес, чтобы судить смертных.

— Поздравляю, — прошептала я, чувствуя, как к горлу подступает ком. — Ты сделал это. Мы сделали это.

— Да, — произнес он, глядя куда-то поверх моей головы.

Он медленно подошел ближе. Его лицо было бесстрастным, словно фарфоровая маска. — Путь был долгим. Ты была полезной спутницей, Мо Юйлань.

Слово «полезной» царапнуло слух. Я шагнула к нему, желая обнять и почувствовать биение его сердца, убедиться, что он все еще тот мальчик, который клялся мне в вечной верности под цветущей вишней.

— Теперь все будет иначе, — торопливо заговорила я, заглядывая ему в глаза. — Теперь нам не нужно прятаться. Мой отец... он, конечно, болен, и наш дом заложен, но с твоим новым положением мы сможем все вернуть. Мы...

— Мы? — перебил он. В его голосе прозвучало искреннее удивление. Гуань Юньси склонил голову набок, рассматривая меня так, словно видел впервые. Или словно рассматривал пятно грязи на своем безупречном сапоге. — Юйлань, ты всегда была умна. Неужели ты действительно думала, что Министр Церемоний, правая рука Императора, может взять в жены женщину без приданого, с разрушенным ядром силы и чья репутация запятнана тайными связями со мной?

Мир качнулся. Земля ушла из-под ног, но я устояла, вцепившись рукой в холодные каменные перила.

— Но... ты сам просил об этом, — прошептала я, чувствуя, как внутри разрастается ледяная пустота. — Ты просил меня отдать силу. Ты просил меня лгать ради тебя и говорил, что это наша общая жертва.

— Жертва, — эхом повторил он. — Именно. Жертва при-

носится богам или судьбе, чтобы получить желаемое. Когда жертва принесена, её сжигают, а пепел развеивают по ветру. Никто не хранит пепел в драгоценной шкатулке, Юйлань.

Он сделал еще один шаг. Теперь он был так близко, что я могла видеть свое отражение в его зрачках, а в них виднелась маленькая, жалкая фигурка в поношенном платье.

— Ты стала препятствием, — сказал он спокойно, без злобы, словно объяснял ребенку, почему нельзя есть сладкое перед обедом. — Твой клан требует денег, ты требуешь внимания. Твое существование напоминает мне о том, из какого низа я выбрался, а я не люблю смотреть вниз. Кроме того... семья Ван предложила мне союз. Их дочь юна, богата и обладает полным ядром силы. Она станет прекрасной женой.

— Ван? — имя вырвалось с хрипом. — Та самая Ван, чей отец пытался уничтожить тебя три года назад? И я спасла тебя, приняв яд вместо тебя?!

— В политике нет вечных врагов, есть лишь вечные интересы, — пожал плечами Гуань Юньси. — Ты слишком чувствительная для этого мира, Юйлань.

Я смотрела на него и не узнавала. Это был не мой Гуань Юньси. Это было чудовище, которое выросло на моей любви, сожрало меня изнутри и теперь выплевывало оболочку.

— Я расскажу всем, — тихо сказала я. Голос дрожал, но в нем появилась сталь. — Я расскажу Императору, откуда у тебя взялись силы для прорыва, и скажу, кто на самом деле написал те трактаты, за которые тебя восхваляют. Про взят-

ки, про яды, про все. Если я — пепел, то я засыплю тебе глаза.

Гуань Юньси вздохнул, но в этом вздохе было сожаление о том, что придется пачкать руки, а не обо мне.

— Я знал, что ты это скажешь. Ты всегда была слишком упрямой. Именно поэтому я позвал тебя сюда, а не отправил в монастырь.

Он двинулся так быстро, что я не успела даже моргнуть. Я почувствовала тупой удар в грудь, словно в меня врезался тяжелый камень, а потом пришла боль. Я опустила глаза. Из моей груди, прямо там, где должно биться сердце, торчала рукоять меча, ножны для которого я вышивала три ночи подряд, пока глаза не начали слезиться от усталости.

«Сияющий Добродетелью», так назывался этот меч. Какая ирония.

Я подняла руку и коснулась лезвия. Пальцы тут же окрасились в густой, темный багрянец. Кровь была горячей, намного горячее, чем я сама.

— Почему?... — губы едва шевелились. Гуань Юньси наклонился ко мне. Его лицо было так близко, что его дыхание коснулось моей щеки.

— Потому что мертвые умеют хранить тайны лучше, чем обиженные женщины, — прошептал он. — И потому что я не хочу делить свою славу. Прощай, Юйлань. В следующей жизни постарайся быть умнее и не влюбляйся в тех, кто рожден летать выше тебя.

Он резко выдернул меч. Ослепительная и рвущая боль многократно усилилась и пронзила все тело. Это было похоже на то, как если бы внутрь залили расплавленный свинец. Ноги подкосились, и я рухнула на холодные камни террасы, хватая ртом воздух, которого вдруг стало катастрофически мало. Кровь толчками выходила из раны, заливая плиты, пачкая подол платья и стекая по рукам. Я видела, как она впитывается в щели между камнями, образуя причудливый узор, похожий на распустившийся цветок пиона.

Гуань Юньси вытер лезвие белоснежным платком. Он сделал это с брезгливостью, стараясь не запачкать рукава, а потом бросил платок на меня. Легкая ткань, мгновенно пропитавшаяся красным, легла на мое лицо, как погребальный саван. Он развернулся и пошел прочь, словно вышел на прогулку. Он возвращался на праздник, к свету, к вину и поздравлениям, к своей новой жизни, в которой мне не было места.

Я хотела закричать, проклясть его, позвать на помощь, но из горла вырвалось лишь влажное бульканье. Холод пробирался внутрь, сковывая руки и ноги. Звуки праздника становились все тише, словно я погружалась под воду. Я любила его, и эта мысль была самой горькой из всех. Я отдала ему все. Свою юность, красоту, силу и вот теперь жизнь, а он просто перешагнул через меня.

Злость пришла последней, когда страх уже отступил. Она вспыхнула в гаснущем сознании, как последний уголек в ко-

стре. Если бы у меня был шанс... Если бы только боги дали мне хоть один шанс... Я бы не стала любить тебя. Я бы стала тем мечом, который пронзит твое сердце. Я бы стала ядом в твоём вине и стала кошмаром, от которого ты не проснешься.

Снег начал падать с черного неба. Одна снежинка упала мне на ресницы, другая на лужу моей крови, мгновенно тая в ней. Красное на белом. Как красиво и печально.

Перед глазами все поплыло. Силуэт Гуань Юньси растворился в темноте дверного проема. Последнее, что я почувствовала — железный, сырой запах собственной крови. Сердце сделало последний, мучительный удар и остановилось. Темнота сомкнулась надо мной, как крышка гроба.

Глава 2

Воздух ворвался в легкие с таким свистом, словно я вынырнула с самого дна глубокого озера. Я резко села на постели, хватая ртом пустоту, и руки сами собой метнулись к груди. Пальцы, сведенные судорогой, судорожно ощупывали кожу сквозь тонкую ткань исподнего. Я искала рану, рукоять меча и липкую кровь, которая только что вытекала из меня, унося жизнь. Но под пальцами билось сердце бешеным ритмом, от которого звенело в ушах.

Я замерла, боясь пошевелиться. Неужели это загробный мир? Неужели ад выглядит точь-в-точь как мои покои в поместье клана Мо? Медленно, с опаской заморгала, пытаюсь убрать наваждение, но не получалось. В комнату сквозь окна, заклеенные рисовой бумагой, лился мягкий, золотистый утренний свет, воздухе плавали пылинки, танцуя в солнечных лучах, пахло старым деревом, сушеными корочками мандарина, лежащими на жаровне, и слабым ароматом жасмина, доносившимся из сада.

Я сидела на своей узкой жесткой кровати. Знакомое одеяло из синего хлопка, выцветшее от множества стирок, было скомкано в ногах. На низком столике стояла недопитая чашка остывшего чая и книга стихов, которую, казалось, я никогда не читала.

Дрожь началась где-то в животе и волной прокатилась по

всему телу, зубы выбивали дробь, словно я стояла на морозе без одежды. Это сон. Это просто кошмарный, чудовищный сон. Гуань Юньси не убивал меня. Он любит меня. Мы ждем приема, и он настанет. Я просто перенервничала из-за подготовки.

Я попыталась успокоить дыхание, но перед глазами все еще стояло холодное и равнодушное лицо Гуань Юньси, и его слова: «Ты — лишь ступенька, о которую я вытер ноги».

— Госпожа? — тихий голос заставил вздрогнуть так сильно, что я едва не свалилась с кровати. В дверях стояла А-Ли, маленькая, круглолицая служанка с неизменным пучком на макушке. Она держала в руках медный таз с горячей водой для умывания, от которой поднимался пар, пахнувший цветами.

— А-Ли... — мой голос был хриплым, чужим, словно горло было забито песком. — Какой... какой сегодня день?

— День начала весны, Госпожа. — Служанка удивленно моргнула, ставя таз на подставку. — Вы забыли? Сегодня вечером в Башне Золотого Карпа состоится прием в честь цветения сливы. Господин Гуань прислал записку, что заедет за вами перед началом часа Петуха[1].

Мир покачнулся. Прием в честь цветения сливы. Тот самый день, на котором Гуань Юньси получит титул Министра, а после позовет меня на террасу и убьет. Это не сон. Это точно не сон! Это не может быть сном! Разве могут сниться такие беспощадные жестокие сны с такими подробностями?

Во снах я никогда не видела кровь так ярко.

Я медленно сползла с кровати, заставляя ноги идти и заглянула в бронзовое зеркало, стоящее на столике. Из мутной желтоватой глубины на меня смотрела бледная девушка с темными кругами под глазами, с растрепанными волосами, спадающими на плечи черным водопадом. И в глазах еще не погас свет жизни, хотя в глубине зрачков плескался первобытный ужас. Я коснулась своего отражения. Скользкий маслянистый на ощупь металл обжег подушечки пальцев чистым льдом, но это длилось недолго. Бронза быстро нагрелась.

— Госпожа, вам нехорошо? — А-Ли встревоженно шагнула ко мне. — Вы бледны, как полотно. Может, позвать лекаря?

— Нет! — выкрикнула я слишком резко. А-Ли испуганно отшатнулась. Я заставила себя сделать глубокий вдох, чтобы хоть как-то прийти в себя и успокоиться. — Нет, не надо лекаря. И у нас нет ни вэня на оплату его дела. Просто... просто дурной сон. Оставьте меня. Я хочу умыться сама.

— Но господин Гуань... — начала было она.

— Вон! — рявкнула я, и в голосе прорезалась сталь и власть, которых я сама от себя не ожидала. Я никогда ни с кем так не говорила и не знала свою эту сторону.

Служанка испуганно поклонилась и выскочила за дверь, задвинув ее за собой. Как только доска ударилась о другую доску, ноги окончательно отказали мне. Я осела на пол, при-

жавшись спиной к ножке стола.

Я вернулась. Не знаю, кто сыграл со мной эту шутку, милосердные небеса или жестокие демоны Диюя[2], но я вернулась ровно на один день назад. За двенадцать часов[3] до того, как меч пронзит мое сердце.

Я посмотрела на свои руки, что вышивали ему ножны и что смешивали травы, чтобы усилить его ци. Я ненавидела их сейчас и ненавидела это тело, которое так предано любимому убийцу. В груди поднялась горячая волна тошноты. Я согнулась пополам, и меня вырвало желчью прямо на чистые циновки. Тело отторгало прошлое и ту слепую, глупую любовь, что была ядом похуже мышьяка.

Вытерла губы рукавом, чувствуя горечь во рту. Что мне делать? Первая мысль была простой. Бежать. Собрать вещи, взять те немногие драгоценности, что остались от матери, и бежать из столицы. Скрыться в глухих деревнях, изменить имя, стать крестьянкой, выращивать рис, лишь бы никогда больше не видеть этих глаз.

Но тут же проснулся ледяной рассудок. Куда я побегу? У меня нет денег, потому что все ушло на взятки для продвижения Гуаня, и нет покровителей. Мой клан слаб, а Гуань Юньси... завтра он станет Министром Церемоний. В его руках будет власть, сыск, стража. Он легко найдет меня. Если я исчезну перед приемом, это бросит тень на его репутацию. Он не позволит этому случиться. Он найдет меня и тихо без свидетелей убьет в какой-нибудь придорожной канаве. Бе-

жать — значит умереть.

Я поднялась, опираясь на стол. Дрожь постепенно уходила, уступая место холодному спокойствию. Подошла к окну и полностью распахнула створки. Весенний ветер ударил в лицо. В саду, на голой ветке сливы, чирикала какая-то птица. Жизнь шла своим чередом, никто не знал, что я умерла и что под оболочкой юной девы сейчас стоит выжженная дотла душа.

Взгляд упал на шкатулку с гребнями. Там лежал нефритовый гребень, подарок Гуань Юньси на мое восемнадцатилетие. Дешевый нефрит с трещинкой на зубце, но я берегла его как зеницу ока. Взяла гребень в руки. Пальцы помнили тепло его ладоней, когда он вкалывал его мне в волосы, но сейчас это напоминало прикосновение скользкой змеи.

«Ты — лишь ступенька».

С громким треском я переломила гребень пополам. Острые края впились в ладонь, отчего выступила капля крови. Боль заставила задрожать зубы и все остальное тело, но я терпела. Я хотела почувствовать её и что я жива.

Я не побегу. Если судьба дала мне этот день, то я потрачу его на войну. У меня нет меча, нет ци, но я знаю будущее и его секреты. Я знаю каждый его грязный шаг, который привел его к власти, потому что сама помогала замечать следы.

— Мо Юйланы, — прошептала я своему отражению. — Ты должна забрать у него всё, чтобы отомстить за свою боль. Помни, что он с тобой сделал и уничтожь его.

Время до полудня тянулось мучительно медленно, словно мед, капающий с ложки. Каждый звук в доме казался мне слишком громким, бьющим по ушам. Стук сандалий слуг, звон посуды на кухне, шорох ветра в бамбуковой роще, скрип половиц. Я приводила себя в порядок.

А-Ли вернулась, боясь поднять на меня глаза, и помогла убрать следы тошноты. Я выбрала платье темно-синее платье с серебряной вышивкой журавлей. Оно было строгим, закрытым, но ткань струилась по телу, как вторая кожа.

— Госпожа, вам очень идет, — робко заметила А-Ли, закалывая мои волосы. — Вы выглядите величественно.

Величественно. Хорошее слово. Мертвые королевы всегда величественны, к сожалению. Но я предпочитала быть живой. В час Змеи[4] ворота поместья скрипнули и прозвучали шаги, шум которых бил набатом в ушах. Гуань Юньси пришел.

Сердце пропустило удар, а затем вновь забилося медленно и тяжело. Я сидела в главном зале, прямой спиной не касаясь спинки стула, и перебирала листья чая в фарфоровой гайвани[5]. Пар поднимался вверх, скрывая мое лицо.

— Юйлань, — его голос раздался от входа. Как же я любила этот голос раньше. Теперь же я слышала в нем только фальшь. Каждая нотка, каждый полутон казались мне наигранными.

Я медленно подняла глаза. Он стоял в проеме, озаренный

солнцем, в простом, но элегантном дорожном бело-желтом халате. Волосы собраны в высокий узел, закрепленный серебряной шпилькой. На его лице растянулась сдержанная, теплая улыбка для публики, но в данный момент для меня, для дурочки.

Внутри меня все сжалось в ледяной узел. Мне хотелось вскочить и вцепиться ему в горло ногтями, вырвать кадык, смотреть, как гаснет жизнь в этих лживых глазах, но я не позволила себе такую вольность, только сидела неподвижно. Мои пальцы лишь чуть сильнее сжали фарфор чашки.

— Гэгэ[6], — произнесла я ровно и удивилась сама себе. Сколько же лет я училась этому самоконтролю, притворяясь перед его врагами, что ничего не знаю? Оказывается, этот навык пригодился мне сейчас, перед главным врагом.

Он прошел в комнату, принося с собой запах улицы, подошел ближе, ожидая, что я, как обычно, встану ему навстречу, поклонюсь, коснусь его рукава. Он ждал этого и давал мне время, чтобы я совершила все эти глупые безрассудные действия. Но я не встала и сделала глоток чая, который специально для себя заваривала. В его глазах мелькнуло удивление, но тут же погасло, видимо списал это на мое волнение перед приемом. Ну и пусть так думает. Мне же легче.

— Ты готова? — спросил он, садясь в кресло напротив. Служанка тут же поднесла ему чашку, и он принял её не глядя, как должное, хотя не имел права. — Сегодня важный вечер. Все должно быть безупречно.

— Безупречно, — эхом повторила я. — Конечно. Твой триумф.

— Наш триумф, — поправил он мягко. Какой же ты грязный лжец. — Я принес тебе подарок.

Гуань Юньси достал из рукава небольшую коробочку, обтянутую красным шелком. Я смотрела на коробочку как на ядовитую змею. В прошлой жизни... точнее в том прошлом дне он тоже подарил мне эту коробочку, где лежали серьги с жемчугом. Я была так счастлива и думала, что это свадебный дар. Хах. Размечталась.

— Открой, — попросил он.

Я протянула руку и открыла крышку. Две молочные жемчужины лежали на шелке. Я все больше убеждалась, что действительно перенеслась в прошлое, а значит Гуань Юньми меня убьет.

— Они подходят к твоей коже, — произнес он, наблюдая за моей реакцией. — Ты будешь самой красивой сегодня. После того, как объявят о моем назначении, я хочу, чтобы ты была на террасе. Мне нужно будет сказать тебе кое-что важное.

Меня едва не передернуло. Сказать важно, точнее показать важное — моё убийство. Этому не бывать.

— Спасибо, Гэгэ, — я небрежно закрыла коробочку. Стук дерева прозвучал как щелчок, или как треск веревки, которая только что порвалась. — Ты так заботлив.

Он наклонился вперед, вглядываясь в моё лицо и пытаюсь

меня прощупать.

— Юйлань, я знаю, тебе тяжело. Клан Мо сейчас не в лучшем положении. Но потерпи еще немного. После сегодняшнего вечера все изменится. Я обещаю.

— Знаю, — посмотрела ему прямо в глаза, оценивая его внешность. Любовная пелена, затмевавшая зрение, слетела, как вуаль на ветру. Я видела поры на его коже, легкую асимметрию бровей и крошечное пятнышко чернил на халате. Он был просто человеком. Смертным, слабым, тщеславным человеком, которого надо наказать. — Все изменится.

Он нахмурился, потому что не этого поведения он ожидал. Что-то в моем тоне его насторожило. Чуйка подсказала ему, что жертва ведет себя странно.

— Ты бледна, — он протянул руку, чтобы коснуться моего лба. Я не успела отстраниться, и его теплая ладонь легла мне на лоб. В тот же миг кожу пронзило ощущение ожога. Меня буквально затрясло от отвращения. Память тела была сильнее разума. Я помнила, как эти руки толкали меч в грудь. Я дернулась, отшатнувшись так резко, что чай расплескался на стол. Гуань Юньси замер с протянутой рукой, в его глазах появился холод.

— Прости, — быстро сказала я, опуская глаза. — Я... я плохо спала. Волнуюсь.

— Ты должна взять себя в руки, Мо Юйлань, — голос стал жестче, и он медленно опустил ладонь. — Жена чиновника должна уметь владеть лицом. Ты не можешь позорить меня

своей слабостью на людях.

Жена. Он все еще играл в эту игру. За несколько часов до того, как убить меня, он попрекал меня тем, что я плохая жена.

— Я не опозорю тебя и сделаю все, чтобы этот вечер запомнили.

— Вот и славно. — Он кивнул, довольный покорностью. — Выпей успокоительный отвар. Я пришлю за тобой паланкин. И надень эти серьги. — Он встал, оправил халат и направился к выходу. У порога он остановился, но не обернулся. — Я делаю все это ради нашего блага, Юйлань. Помни это.

Когда он ушел, я еще долго смотрела на пустой дверной проем. «Ради нашего блага». Ради себя ты это делаешь, а не нас.

Медленно взяла коробочку с серьгами, подошла к жаровне, где тлели угли, открыла коробочку и вытряхнула жемчуг прямо в огонь. Жемчуг не горит, но он почернеет и треснет от жара, как и моя любовь.

Теперь мне нужен план. У меня есть время до вечера, чтобы его придумать. Гуань Юньси уверен, что я послушная овца, которая сама придет на заклятие. Это мое единственное преимущество. Он планирует обвинить меня в измене или просто убить тихо? В прошлом он убил меня тихо, потому что я пришла одна. Но если я не приду на террасу и останусь в зале? Нет, он найдет другой способ, ведь уже решил изба-

виться от меня. Если не сегодня, то завтра. Я слишком много знаю, к тому же я свидетель его преступлений. Мне нужен союзник или оружие.

В моей голове всплыло воспоминание. Гуань Юньси говорил, что на приеме будет присутствовать глава тайной стражи, чтобы обеспечить безопасность Императора. Нет, не глава. Глава слишком стар. Будет его цепной пес, кого боятся все благородные дома столицы и чье имя произносят шепотом, чтобы не накликать беду.

Цзи Сичэнь. Внебрачный сын, поднявшийся из грязи благодаря своей жестокости и абсолютному нюху на ложь. Говорят, он может вырезать сердце человека, не моргнув глазом, если это нужно для дела.

В прошлой жизни я видела его лишь мельком. Он стоял в тени, всегда в черном, с насмешливой ухмылкой наблюдая за танцами придворных. Я боялась его, а Гуань Юньси ненавидел, называл дворнягой Императора.

Но враг моего врага, как говорится, мой друг. Если я хочу выжить, мне нужно не просто спрятаться, а напасть, и чтобы напасть на Министра Церемоний, мне нужен меч, который не боится запачкаться. И этот меч — Цзи Сичэнь.

Я подошла к столу. Руки дрожали, но я заставила их слушаться моей воле. Взяла кисть и макнула её в тушь. Что я могу предложить человеку, у которого есть власть казнить и миловать? Деньги? У меня их нет. Тело? Он может получить любую куртизанку. Точно, о чем это? У меня знание. Я

знаю, где Гуань Юньси прячет свои черные книги, кто подделал указ о налогах в провинции Цзяннань и что именно Гуань Юньси отравил предыдущего министра медленным ядом «Слезы вдовы».

Я начала писать, выводя иероглифы на бумаге ровными, острыми рядами. Я писала смертный приговор, подписанный моей рукой.

«Если хотите узнать, кто на самом деле украл налоги Цзяннани и почему Министр Лю скончался от «сердечного приступа», найдите меня у пруда с карпами до начала третьего гонга. Не приходите, если боитесь испачкать руки».

Нарисовала в углу цветок магнолии, свернула записку в тонкую трубочку и запечатала воском. Теперь как передать это Цзи Сичэню? Я не могу подойти к нему открыто, к тому же Гуань Юньси следит за мной.

Я позвала А-Ли, чтобы подготовиться к выходу.

— Собери мои старые платья, что мы хотели отдать в починку, — приказала я.

— Зачем, Госпожа?

— Я хочу зайти в склад залогов. Мне нужны деньги на новые ленты для волос.

— Но господин Гуань...

— Господин Гуань хочет, чтобы я выглядела безупречно, а у меня нет достойных лент. Мы пойдем через задние ворота. Быстро. — Отрезала я.

Выход в город был риском, но у меня не было выбора.

Я знаю, что слуги Цзи Сичэня часто бывают в чайном доме «Три Лотоса» возле рынка, о котором в народе гуляли слухи, что это было место сбора шпионов и информаторов. К тому же Гуань Юньси часто жаловался на этот дом.

Я переоделась в самое простое платье, накинула на голову плотную вуаль и вышла из своих покоев. Солнце стояло в зените, заливая двор ярким, безжалостным светом. Я вдохнула воздух, напоенный ароматами весны.

[1] с 17:00 до 19:00

[2] Диюй (кит. упр. 酆, пиньинь Dìyù, палл. Диюй) — царство мёртвых или «ад», преисподняя в китайской мифологии.

[3] В Китае сутки были разделены между 12 животными китайского календаря. Это так называемые сдвоенные часы. У них один час (или стража) равен нашим двум часам. [4] С 9 до 11.

[5] Гайвань — традиционный китайский сосуд для заваривания чая, состоящий из чаши, крышки и блюдца.

[6] Гэгэ — старший брат.

Глава 3

Улицы, вымощенные серым камнем, бурлили, как котел с густой похлебкой. Крики торговцев, предлагающих засахаренные фрукты и амулеты от злых духов, смешивались с ржанием лошадей и скрипом деревянных колес повозок. Пахло жареным кунжутным маслом, пылью и человеческим потом.

Я шла сквозь толпу, опустив голову и скрывая лицо под плотной вуалью из дешевого хлопка. В прошлой жизни я бы никогда не ступила сюда без охраны. Дочь клана Мо, невеста золотого мальчика Гуань Юньси, не должна была пачкать подолы о грязь внешнего города. Я смотрела на этот мир из окна паланкина, словно на диковинную картину. Теперь я была частью этой грязи, и это давало мне свободу.

Никто не обращал внимания на женщину в простом платье, прижимающую к груди корзинку с ветошью. Меня толкали, обходили, один раз какой-то подмастерье едва не опрокинул меня, пронося мимо связку бамбуковых шестов, и лишь грубо буркнул проклятие в ответ.

Я добралась до чайного дома, где благородные господа никогда не появлялись. Здесь собирались наемники, мелкие торговцы информацией, разорившиеся игроки и тени, скользящие по краю закона. Здание, почерневшее от времени и копоты, нависало над узким переулком, словно старый стер-

ВЯТНИК.

Переступила порог, и тут же в нос ударил густой, тяжелый запах дешевого табака и крепкого, пережженного чая. В полумраке зала, освещенного лишь тусклыми масляными лампами, сидели люди. Кто-то играл в маджонг, стуча костями по столу, кто-то шептался в углах. В центре, на небольшом возвышении, старый рассказчик бил в трещотку и хриплым голосом повествовал о подвигах древних бессмертных.

Сердце колотилось так, что отдавалось болью в ребрах. Если меня узнают и до Гуань Юньси дойдут слухи, что я была здесь, то это будет конец. Я старалась взять себя в руки и могла только действовать.

В дальнем углу, за столиком, изрезанным ножами, сидел человек. На первый взгляд обычный пьяница, уснувший над чаркой вина. Его лицо скрывала тень от широкой соломенной шляпы. Но он не спал и только притворялся. Перед пьяницей, да тем более заснувшим, никто не будет скрывать тайные знания, которые не должны были попасть ни в одни уши.

Это был один из связных Императорского сыска. Я узнала о нем случайно, полгода назад, когда Гуань Юньси в приступе ярости приказал своим людям убрать лишние уши из Трех Лотосов. Тогда этого человека избили, но не убили. Гуань Юньси был слишком самонадеян, считая, что такие мелкие сошки не представляют угрозы.

Я подошла к столику. Мои ноги дрожали, но я заставила себя сделать шаг. Человек даже не пошевелился.

— Чай здесь слишком горький, — тихо произнесла я, используя фразу, которую подслушала однажды, когда Гуань Юньси обсуждал шпионов. Человек под шляпой казалось замер. Его рука, лежащая на столе, едва заметно напряглась.

— Для тех, кто ищет сладости, есть кондитерская на улице Шелкопрядов, — проскрипел он, не поднимая головы.

— Я ищу не сладость, — ответила я, стараясь, чтобы голос не срывался. — Я ищу того, кто умеет отличать кровь от вина.

Достала из рукава свернутую в трубочку записку с красной печатью и цветком магнолии внутри, положила на стол, рядом с его локтем, и накрыла сверху последним серебряным лянном.

— Передай это своему хозяину, темному принцу. Скажи... скажи, что магнолия расцветает только перед бурей.

Человек медленно поднял голову. Под полями шляпы блеснул один глаз, второй был скрыт бельмом. Он посмотрел на меня с хищным интересом, словно оценивая, стою ли я того, чтобы жить.

— Хозяин не любит пустых цветов, — прохрипел он.

— В этом цветке яд для его врагов, — отрезала я.

Развернулась и пошла прочь, не дожидаясь ответа. Спину жгло. Казалось, что сейчас в меня полетит нож или схватят за руку, но никто меня не остановил. Я выскользнула на улицу, жадно глотая воздух, который казался самым сладким нектаром жизни.

Возвращение в поместье, омовение, сборы прошли как в тумане. Я была куклой, которую готовили к спектаклю. А-Ли суежилась вокруг, вздыхая и причитая, что у нас не хватает шпилек с драгоценными камнями. Я молчала, смотрела на свое отражение в бронзовом зеркале и видела там не юную деву, а старуху, которая прожила один лишний день.

Темно-синее платье облегло фигуру, подчеркивая тонкую талию. Серебряные журавли на ткани, казалось, вот-вот взлетят. Я отказалась от сложных причесок, позволив волосам лишь частично быть собранными на затылке, закрепив их простой деревянной шпилькой. Я не хотела надевать украшения, поэтому легко отказалась и от них. Они только помешают.

— Паланкин господина Гуаня подан! — раздался крик слуги со двора. Меня передернуло.

Я вышла из дома. Вечерние сумерки уже опускались на город, окрашивая небо в тревожные фиолетовые тона. Паланкин Гуань Юньси был из красного дерева с занавесками из золотого шелка. Роскошно, но и так пусто.

Сам будущий Министр Церемоний решил себя не обременять встречей со мной и ждал внутри. Я забралась в паланкин. Гуань Юньси сидел, прикрыв глаза, перебирая четки из кости яка.

— Ты опоздала на несколько вздохов, — произнес он, не открывая глаз.

— Прости, гэгэ. Дорога от моих покоев до ворот длиннее, чем кажется, — ответила я, садясь напротив и тщательно расправляя складки платья, чтобы даже случайно не коснуться его ног.

— Ты странная сегодня, Юйлань. — Он открыл темные глаза. — Слишком тихая. И ты надела слишком мрачное платье для праздника весны.

— Это цвет глубокой воды, — парировала я, глядя ему в переносицу, чтобы не встречаться взглядом. — Говорят, вода может отразить луну. Я лишь хочу быть твоим отражением.

Его губы тронула легкая улыбка, ему польстило это сравнение. Нарцисс. Хорошо, что он не услышал угрозы, скрытой в моих словах: вода не только отражает, то и может утопить.

Всю дорогу мы молчали. Я смотрела в щель между занавесками на проплывающие мимо огни столицы и запоминала каждый поворот и каждый дом. В прошлый раз, когда я ехала этой дорогой, то мечтала о свадьбе. Сейчас же все было как раз наоборот, я мечтала о возмездии.

Башня Золотого Карпа сияла тысячью огней. Сотни фонарей летали в небе, играла музыка и слышался смех детворы. Мы вышли из паланкина. Гуань Юньси, как и полагается любящему жениху, подал мне руку, и мне пришлось вложить пальцы в его ладонь, ощущая его теплую и сухую кожу, в то время как моя была ледяной.

— У тебя руки, как у мертвеца, — поморщился он, но не

отпустил, крепко сжимая мои пальцы, словно демонстрируя всем: «Это мое».

Мы вошли в главный зал. Сотни взглядов мигом устремились на нас, и все они были такими разными. Одни были завистливые, другие оценивающие, а третьи насмешливые. Я слышала шепот, который, словно змеиное шипение, полз по залу:

«...посмотрите на Мо Юйлань, она выглядит как тень...»
«...бедняжка, она не знает, что клан Ван уже договорился о помолвке...» «...Гуань Юньси слишком благороден, что тащит за собой этот груз...»

Вчера эти слова ранили бы меня в самое сердце, я тогда сжалась и попыталась стать невидимой, но теперь этот шепот был для меня самой изысканной музыкой, какая только существует. Чем больше они меня жалеют, тем меньше от меня ждут удара.

Гуань Юньси наслаждался вниманием, кивал, улыбался и перебрасывался вежливыми фразами с чиновниками. Я была лишь потрепанным украшением на его руке, которое проще было снять и выбросить.

— Подожди меня здесь, — сказал он, когда мы дошли до центральной ложи. — Мне нужно поговорить с Министром Финансов. Не скучай и не пей много вина, оно здесь крепкое.

— Конечно, Гуань-гэ, — прошептала я ему в спину.

Как только его пурпурный халат скрылся в толпе, я начала действовать. Подозвав к себе слугу, взяла чашу лишь для ви-

да и медленно, стараясь не привлекать внимания, двинулась к выходу на боковую террасу, ведущую в сад, к прудам. Третий гонг должен прозвучать менее через четверть стражи.

Сад Башни Золотого Карпа был шедевром искусства. Извилистые тропинки, мостики, перекинутые через ручьи, беседки, увитые глицинией, но сейчас в темноте сад казался лабиринтом призраков. Фонари здесь горели тускло, создавая причудливые тени.

Я шла к Пруду Спящего Дракона, самому уединенному месту, скрытому за густыми зарослями ив. Воздух здесь был влажным и холодным, от воды тянуло запахом тины. Я остановилась у края пруда, глядя на черную гладь воды, в которой отражалась ущербная луна.

Придет ли он? Вдруг я ошиблась? Вдруг он счел мою записку глупой шуткой и сейчас сидит в зале и смеется над наивной дурочкой Мо Юйлань, которая возомнила себя игроком?

Время шло. Тишина давила на мое тело, как камень на букашку. Только где-то вдалеке играла музыка, доносясь сюда слабым, искаженным эхом.

— Третий гонг, — прошептала я.

Баммм... Глубокий, вибрирующий звук удара в бронзу разнесся над столицей. Сюда до сих пор никто не пришел. Отчаяние холодными когтями сжало горло. Я проиграла. Мне не переиграть Гуань Юньси, а значит я скоро умру.

Отвернувшись от пруда, собираясь уходить, как вдруг мир

перевернулся. Сильная, жесткая рука, как стальной капкан, схватила меня за плечо и резко развернула. Меня впечатали спиной в ствол старой ивы. Кора больно впилась в лопатки. Я не успела даже вскрикнуть. Холодное лезвие кинжала коснулось шеи, прямо там, где билась жилка.

— Пищать — плохая идея, — раздался голос, который был похож на скрежет. Низкий, хриплый, с едва уловимой насмешкой.

Я замерла, боясь даже дышать, и подняла глаза. Передо мной стоял Цзи Сичэнь. Он был высоким, даже выше Гуань Юньси и был одет в черные одежды, которые почти сливались с ночной тьмой, лишь серебряная вышивка на поясе тускло блестела. Его черные, как вороново крыло, волосы были распущены, и лишь несколько прядей падали на лицо.

Подняла взгляд выше, замечая его бледное, с резкими скулами и хищным изгибом губ лицо. И глаза, в которых не было ничего человеческого. Темные, бездонные, казалось в них плясали тени, а может что и похуже.

От него исходила настоящая опасность, не то что от Гуань Юаньси. Тот теперь казался пропущенным через решето маленьким неприятным злом по сравнению с Цзи Сичэнем. От самого Цзи Сичэня пахло металлическим привкусом крови и пряным бадьяном. Он только что вернулся с работы.

— Ну здравствуй, магнолия, — прошептал он, чуть сильнее надавливая лезвием на мою кожу. Я почувствовала, как по шее потекла тонкая струйка. — Ты звала меня, и пришел.

Но если ты потратила мое время зря, этот пруд станет твоей могилой. Карпы любят свежее мясо.

Страх затопил меня, как вода кувшин, я затряслась. Но сквозь этот страх пробивалось чувство облегчения. Он пришел и он не лжет, потому что угрожает честно.

— Убери нож, — прохрипела я, глядя ему прямо в глаза. Его брови взлетели вверх.

— Дерзкая. Мне нравится. Но нож останется там, где он есть. Говори, кто послал тебя? Гуань Юньси решил проверить мою бдительность?

— Гуань Юньси — идиот, который думает, что он бог, — выплюнула слова с такой ненавистью, что Цзи Сичэнь на мгновение замер. — Я здесь, чтобы уничтожить его и знаю, что тебе это тоже нужно.

— Мне? — он усмехнулся, и эта усмешка была острее ножа. — Почему ты думаешь, что мне есть дело до твоего жениха?

— Потому что он метит на место Министра, — быстро заговорила я, чувствуя, как лезвие холодит кожу. — Потому что он украл налоги провинции Цзяннань, чтобы купить этот пост, подделал отчеты о наводнении и... он убил твоего человека в Цанчжоу три месяца назад.

Глаза Цзи Сичэня сузились, улыбка исчезла.

— Откуда ты знаешь про Цанчжоу? — его голос стал тихим и смертельно опасным. — Об этом знали только трое, и двое из них мертвы.

— Я знаю многое, — не отвела взгляда. — Я знаю, где лежит настоящая книга учета. В его кабинете, за панелью с изображением гор и рек. Третий кирпич снизу, там есть механизм.

Цзи Сичэнь молчал и изучал мое лицо, словно читал сложную карту. Его взгляд скользил по моим губам, по глазам, по капле крови на шее. Я чувствовала этот взгляд так, словно он казался меня.

Он был близко, даже слишком. Я чувствовала жар, исходящий от его тела, и этот жар контрастировал с его холодным образом. Мы стояли в темноте, прижатые друг к другу.

— Зачем тебе это? — наконец спросил он. — Ты его невеста, поэтому должна греть ему постель и рожать наследников. Зачем ты предаешь его?

— Он предал меня первым, — ответила я. — Он убил меня.

Цзи Сичэнь нахмурился.

— Ты выглядишь вполне живой.

— Душа может умереть раньше тела, Темный принц. Я предлагаю сделку. Я отдаю тебе его голову на блюде, а ты... ты дашь мне защиту.

— Защиту? — он медленно убрал нож от моего горла, но не отошел. Медленно намотал прядь моих волос на палец, резко дернув, заставляя запрокинуть голову. — От кого?

— От него и от всего мира. Я хочу, чтобы он потерял всё. Титул, честь и даже жизнь. Я хочу видеть, как он ползает в

грязи.

Цзи Сичэнь склонился к моему уху. Его дыхание обожгло кожу.

— Месть — блюдо, которое подают холодным, Мо Юй-лань, а ты горишь, как костер. Ты сгоришь сама и сожжешь все вокруг.

— Пусть так, — прошептала я. — Главное, что он сгорит первым.

Он резко отпустил меня, отчего я покачнулась, но устояла, прислонившись к дереву. Цзи Сичэнь шагнул назад, растворяясь в тени ивы.

— Хорошо, — его голос донесся уже из темноты. — Я проверю твою информацию про тайник. Но если там пусто, то я найду тебя и тогда ты пожалеешь, что Гуань Юньси не убил тебя на самом деле.

— Там не пусто, — крикнула я в пустоту.

— Посмотрим. У тебя есть время до рассвета. Если Гуань Юньси станет министром сегодня, завтра ты станешь моей собственностью, потому что долги надо платить.

Он исчез, словно его и не было. Только качалась ветка ивы, да саднила царапина на шее.

Прикоснулась к порезу, стирая с шеи кровь, и улыбнулась. У меня появился партнер, который танцует на лезвии ножа так же виртуозно, как и я.

Поправила воротник платья, скрывая рану, и развернулась, чтобы идти обратно в сияющий, шумный, лживый зал.

Гуань Юньси, наверное, уже ищет меня, чтобы отвести на ту самую террасу. Нужно не разочаровать его, но на сей раз я не буду жертвой.

Глава 4

Музыка в главном зале башни Золотого Карпа гремела так, словно сотня демонов била в боевые барабаны. Звон цитр, пронзительный вой флейт, гул голосов ударили по ушам, стоило мне переступить порог.

Я остановилась в тени тяжелой шелковой завесой, давая глазам привыкнуть к слепящему свету. Тысячи свечей отражались в золотых украшениях гостей, в колоннах, в лужах рисового вина на столах. Все вокруг сияло, переливалось, кричало о богатстве и власти, но все это ощущалась как фальшь.

Я поправила высокий воротник платья. Ткань неприятно липла к свежей ране на шее, где лезвие Цзи Сичэня оставило свой след. Кровь уже подсохла, но каждое движение отдавалось острой болью. Она напоминала, что я жива и вернулась из сада теней в сад ядовитых цветов.

— Юйлань! — голос Гуань Юньси прорезал гул толпы, как нож разрезает шелк.

Я вздрогнула, но тут же натянула на лицо маску кроткой покорности. Он шел ко мне сквозь толпу сановников. Халат развевался, золотое навершие на голове сияло. Он выглядел как молодой бог, спустившийся к смертным. Люди расступались перед ним, кланяясь, лебезя и ловя каждый его взгляд. Я видела, как он осматривал меня взглядом, ища изъяны и

страх.

— Где ты была? — он взял меня за локоть. Пальцы жестко сжались, почти до синяков, но на лице была все та же мягкая, заботливая улыбка. Для окружающих это был жест любящего жениха, поддерживающего невесту.

— Мне стало душно, гэгэ, — тихо ответила я, опуская ресницы. — Я вышла подышать к прудам. Прости, если заставила тебя волноваться.

— Волноваться? — он наклонился к моему уху, и его шепот был похож на шипение змеи. — Императорский евнух вот-вот зачитает указ, а моей невесты нет рядом. Ты хочешь опозорить меня, Мо Юйлань и чтобы все подумали, что ты не достойна стоять рядом со мной?

— Я здесь, — подняла на него пустые мертвые глаза. — Я всегда буду рядом, когда ты будешь падать... или взлетать.

Он нахмурился, уловив двусмысленность, но времени на разборки не было. Грянул гонг.

— Императорский указ! — провозгласил глашатай.

Зал замер, все склонились в низком поклоне. Мы с Гуань Юньси опустились на колени. Голос главного евнуха был высоким и тягучим: «...За выдающиеся заслуги перед Небесной Империей, за мудрость, подобную глубине моря, и добродетель, подобную высоте гор, даровать Гуань Юньси титул Министра Церемоний и право носить пояс с нефритовыми вставками...»

Я слушала эти слова, и внутри меня поднималась волна

горького смеха. Мудрость? Добродетель? Если бы Император знал, что эта «добродетель» куплена на деньги, украденные у голодающих крестьян, и оплачена моей жизнью, он бы никогда не даровал такой титул.

Гуань Юньси принял свиток дрожащими от возбуждения руками, поднялся с колен, и тогда зал взорвался.

— Слава Министру Гуаню!

Он сиял и был счастлив. Вчера в этот момент я плакала от счастья, глядя на него, сейчас же смотрела сухо, как на труп.

— Друзья! — голос Гуань Юньси стал глубоким. Он поднял руку, призывая к тишине. — Этот успех принадлежит не только мне. Он принадлежит моему клану, моим учителям и... моей верной спутнице.

Он повернулся ко мне и протянул руку, приглашая подняться на возвышение. Толпа зашумела. Все знали, что клан Мо разорен и что Гуань Юньси прочат в жены дочь богатого клана Ван. То, что он зовет меня сейчас, выглядело как акт невероятного благородства. Я вложила свою ладонь в его, и он потянул меня вверх, к свету.

— Мо Юйлань была со мной в самые темные дни, — произнес он, глядя в толпу с выражением святого мученика. — И сегодня, в день моего триумфа, я хочу разделить с ней чашу радости.

Он щелкнул пальцами. Слуга клана Гуань тут же поднес золотой поднос, на котором стояли две чаши из тончайшего белого фарфора, наполненные вином.

У меня внутри все похолодело. Чуйка взвыла волком. Вчера этого не было, он просто принимал поздравления, а потом мы ушли на террасу. Но я изменила прошлое, показав характер. Гуань Юньси даже собственной тени не верит, и он видимо решил не рисковать. Зачем ему поить меня вином перед всеми?

Я посмотрела на две одинаковые чаши. Вино было светлое, но от той чаши, что стояла ближе ко мне, исходил едва уловимый аромат. Большинство людей не почувствовали бы его за запахом благовоний и еды, но я, потратившая годы на изучение ядов и трав, чтобы лечить Гуаня после его тренировок, узнала этот запах мгновенно. Пыльца Безумной Луны.

Это не смертельный яд, а намного хуже. Тот, кто выпьет его, через несколько вдохов потеряет рассудок и начинает смеяться без причины, срывать с себя одежду, говорить непристойности, кидаться на людей. Человек превращается в животное.

План Гуань Юньси был гениален в своей жестокости. Если я выпью это, то опозорюсь перед всеми кланами. Я стану сумасшедшей, которая разделась перед Императорским посланником. Помолвка будет расторгнута немедленно, потому что никто не позволит министру жениться на безумной. Меня уволочут стражники, запрут в доме упокоения или в подвале, где я сгнию заживо, а он останется чист, как слеза, и с печальным лицом примет соболезнования, а через месяц

женится на дочери Вана.

Умно, гэгэ. Очень умно. Ты не хочешь марать руки кровью сегодня, но хочешь уничтожить меня для общества.

— Выпей со мной, любимая, — он взял одну чашу и протянул мне вторую с пыльцой.

Его глаза смеялись. Он знал, что я не могу отказаться. Отказ выпить с женихом в такой момент — это оскорбление и потеря лица. Толпа смотрела, ожидая представления. Я взяла чашу, чувствуя холодный фарфор.

— За твой успех, — произнесла я, поднося чашу к губам.

Гуань Юньси расслабился, уже празднуя победу. Он видел, как я подношу край к губам... В этот момент я «случайно» зацепилась широким рукавом за край его пояса.

— Ох! — вскрикнула я, делая вид, что теряю равновесие.

Я качнулась вперед, прямо на него. Моя рука с чашей дернулась, и вино выплеснулось на его безупречный пурпурный халат, прямо на грудь, где была вышита эмблема золотого феникса. Темное пятно мгновенно расплзлось по дорогой ткани, выглядя как ужасная рана. Гуань Юньси отшатнулся, его лицо исказилось от гнева, который он не успел скрыть.

— Ты... — прошипел он.

— О, Небеса! — я тут же упала на колени, доставая платок и начиная судорожно вытирать пятно, только сильнее размазывая его. — Гэгэ, прости меня! Я такая неловкая! Я так перешла от гордости за тебя! Прости эту никчемную!

Слезы текли по моему лицу легко. Я унижалась, играя

роль глупой, неуклюжей дурочки, какую он и хотел видеть. Гуань Юньси стоял, сжимая кулаки. Он не мог ударить меня здесь и тем более закричать. Вокруг были люди, а для них он играл роль праведного достопочтимого гения.

— Встань, — процедил он сквозь зубы. — Это всего лишь халат.

Но его глаза метали молнии. План с отравлением сорвался, я не выпила яд.

— Я должна искупить вину! — воскликнула я, поднимаясь и хватая со стола его чашу. — Позволь мне выпить за тебя из твоей чаши, чтобы доказать мою преданность! А ты... ты возьми новую! — Я быстро, одним глотком, осушила сосуд. Вино обожгло горло, но оно было чистым. Обычное, дорогое сливовое вино. Ни капли яда. — За великого Министра Гуаня! — крикнула я, поднимая пустую чашу.

Толпа, видя мою искренность (или глупость), одобрительно загудела.

— Какая преданная невеста!

— Немного неуклюжая, но сердце у нее на месте!

Гуань Юньси стоял, сердито смотря на меня. Его лицо побледнело. Он понял, что я сделала это специально.

Слуга тут же подбежал с подносом, чтобы налить ему нового вина, но я перехватила инициативу.

— Нет-нет! — я схватила кувшин. — Я сама налью господину!

Я наливала вино, и мои руки дрожали. Я стояла спиной

к залу, лицом к Гуань Юньси и в этот миг, всего на долю секунды, наши взгляды встретились.

В его глазах я увидела бездну. Там больше не было любви, даже притворной, только обещание смерти. А я улыбнулась ему улыбкой, которой он улыбался мне вчера, когда убивал меня.

— Пей, гэгэ, — прошептала я одними губами. — Это вино слаще, чем правда.

Он взял чашу, и в этот момент я почувствовала на себе еще один взгляд, который надавил на спину, как каменная плита. Я скосила глаза, усмотрев, как в дальнем углу зала, в тени колонны, стоял человек в черном. Он не пил и не улыбался, только смотрел. Цзи Сичэнь видел всё и то, как я «споткнулась». Его губы тронула едва заметная усмешка.

Гуань Юньси выпил вино. Напряжение отпустило меня так резко, что колени подогнулись по-настоящему. Я устояла лишь чудом.

Остаток вечера прошел как в бреду. Гуань Юньси был холоден как лед и больше не смотрел на меня, но я чувствовала его гнев кожей. Он торопился закончить прием. Ему нужно было сменить испорченную одежду и сменить план. Когда прием закончился, и гости начали расходиться, Гуань Юньси подошел ко мне.

— Ты вернешься домой в моем паланкине, — приказал он.

— Я не могу, — быстро ответила я. — Мой отец... мне пе-

редали записку, что ему стало хуже. Я должна ехать к нему.

Это была ложь. Отец был в своем обычном состоянии пьяного ступора. Чуйка мне говорила, что если я сяду в паланкин с Гуань Юньси сейчас, то до дома уже не доеду.

— Ты поедешь со мной, — он схватил меня за запястье, больно сжимая.

— Министр Гуань! — раздался вкрадчивый голос. Гуань Юньси замер, и мы оба обернулись. К нам подошел невысокий, пухлый евнух в синих одеждах. — Его Величество желает видеть нового Министра Церемоний в своем рабочем зале для обсуждения утреннего доклада, — пропел евнух. — Немедленно.

Лицо Гуань Юньси дернулось. Отказать Императору невозможно, даже ради того, чтобы придушить неудобную невесту. Он медленно, палец за пальцем, разжал хватку на моем запястье. На белой коже остались красные следы.

— Езжай домой, Юйлань, — тихо сказал он. — Мы поговорим завтра о твоей... неуклюжести.

— Конечно, гэгэ. Служу Императору и тебе.

Низко поклонилась. Он развернулся и пошел за евнухом. Я осталась стоять посреди пустеющего зала. Вокруг слуги убирали посуду, гасили свечи. Запах сгоревшего воска смешивался с ароматом увядающих цветов.

Я жива. Я прошла через этот вечер. Не выпила яд, не дала ему повод обвинить меня, и даже унизила его, испортив идеальный образ пятном вина. Но это была лишь отсрочка.

Завтра он придет за мной, и тогда не будет зрителей, способных меня защитить.

Я вышла на улицу, вдыхая чистый ночной воздух, и внезапно из темноты вынырнула тень.

— Неплохо сыграно, — голос Цзи Сичэня прозвучал прямо над ухом.

— Я выполнила свою часть, — сказала я, не оборачиваясь. — Я создала хаос, теперь твоя очередь. Ты проверил тайник?

— Проверил, — он обошел меня и встал перед лицом, заслоняя луну. — Книга была там, где ты и сказала. Интересное чтиво. Столько имен и сумм... Гуань Юньси — очень запасливый человек.

— Этого хватит, чтобы уничтожить его?

— Хватит, чтобы казнить его десять раз, — кивнул Цзи Сичэнь. — Но не сразу. Император не любит, когда его любимчиков убирают слишком быстро. Нужно время.

— У меня нет времени, — прошептала я. — Он придет за мной завтра.

Цзи Сичэнь наклонился ближе, его темные глаза блестели опасным, завораживающим светом.

— Не придет. Сегодня ночью в его усадьбу нагрянет проверка из цензората. Анонимный донос о растрате. Он будет слишком занят, спасая свою шкуру, чтобы думать о тебе.

Облегчение накрыло меня с такой силой, что я покачнулась. Цзи Сичэнь подхватил меня под локоть, не давая упасть.

— Но помни, Мо Юйлань, — произнес он, глядя мне в глаза. — Теперь ты должна мне. Ты втянула меня в свою игру, теперь ты мой камень на доске.

— Я не камень, — ответила я, высвобождая руку. — Я игрок.

— Это мы еще посмотрим. У тебя красивые когти, магнолия, но хватит ли у тебя духа вонзить их в плоть, когда придет время?

— Я уже вонзила, — коснулась своей шеи, где под воротником саднила рана. — В себя.

Он усмехнулся, но в этом смешке прозвучало уважение.

— Иди домой, запри двери и не открывай никому, кроме меня.

Он растворился в ночи, словно был соткан из дыма. Я села в свой старый, скрипучий паланкин, который мне прислали слуги из родной усадьбы, зная, что мне не на чем добираться.

— Домой, — приказала я носильщикам.

Мы тронулись. Я откинулась на жесткую спинку сиденья и закрыла глаза. Первый день моей новой жизни закончился. Я выжила, нанесла удар и нашла чудовище, которое согласилось охранять мой сон.

Глава 5

Небо над столицей затянуло плотной серой пеленой, похожей на грязную вату, и мелкий дождь барабанил по черепичной крыше нашего поместья.

Кап. Кап. Кап. Этот звук бил по нервам и напоминал невидимые водяные часы, отсчитывающие время моей короткой жизни.

Я сидела во дворе в беседке, закутавшись в теплую шаль из грубой шерсти. Влажный холод пробирался под одежду, но я не уходила в дом. Мне нужно было видеть ворота, я чувствовала, что он придет.

Гуань Юньси не из тех, кто прощает унижение. Пятно вина на его парадном халате потоптало его гордость сильнее, чем кислота. А то, что я избежала его ловушки с ядом, должно было насторожить его беспокойный ум.

А-Ли принесла мне завтрак, состоящий из жидкой рисовой каши с маринованными овощами.

— Госпожа, вам нужно поесть, — тихо произнесла она, с тревогой заглядывая мне в лицо. — Вы бледны, как привидение. Глава спрашивал о вас, и он недоволен.

— Недоволен? — я усмехнулась, не отрывая взгляда от мокрого сада. — Чем же?

— Говорят... слуги говорят, что вы вчера вели себя неподобающе на приеме и что вы опозорили клан своей неловко-

стью.

Отец. Глава клана Мо. Человек, который продал бы собственную печень, лишь бы вернуть былую славу. Ему плевать, жива я или нет, главное чтобы я улыбалась рядом с Министром.

— Не волнуйся, А-Ли, — я взяла ложку, но есть не хотелось. Запах еды вызывал тошноту. — Скоро у отца появится повод для настоящего гнева.

В этот момент в ворота громко и властно постучали, словно хозяин вернулся домой и он недоволен, что дверь закрыта. Я выпрямила спину. Страх, ледяной змеей свернувшийся в животе, поднял голову, но я загнала его обратно. Я знала, что так все будет, ведь я продумывала все в своей голове.

Ворота со скрипом отворились и во двор въехала процессия с закрытой повозкой, запряженной вороными конями. А рядом вышагивали четверо гвардейцев со знаками клана Гуань. И сам Гуань Юньси верхом.

Он спешил одним плавным движением и бросил поводья слуге, даже не взглянув на него. На нем был плащ из темной ткани, скрывающий его роскошные одежды. Лицо было спокойным, но в его глазах стыла зимняя стужа.

Он направился прямо ко мне. Грязь хлюпала под его сапогами, но он шел так, словно ступал по ковру из лепестков.

— Юйлань, — он остановился у подножия ступеней входа в беседку, дождь мелкими струями стекал с полей его шляпы. — Нам нужно поговорить.

— Доброе утро, гэгэ, — я не встала, мне не хотелось. И я уже не настолько сильно уважала его, чтобы вставать. — Погода сегодня не располагает к прогулкам.

— Мы не будем гулять, — его голос был сухим, лишенным эмоций. — Ты собираешь вещи. Немедленно.

— Куда? — Сердце пропустило удар. Что он опять задумал?

— В монастырь Фэнцзюй в горах, — он поднялся на веранду, нависая надо мной. В нос проник запах сырости и приторного ладана, который теперь казался мне запахом смерти. — Тебе нужно лечение, Юйлань. Вчерашняя сцена... твои руки тряслись, ты бредила и падала. Я посоветовался с лекарями, они говорят, это сердечная тоска. Тебе нужен покой, молитвы и затворничество.

Я знала, что это за место. Глушь, откуда не возвращаются. Туда ссылали безумных жен и неугодных наложниц и именно там они «случайно» срывались со скал или умирали от лихорадки. Он решил теперь убрать меня по тихому, отправив в место, где меня никто не найдет, и где можно меня убить чужими руками. Тихое, благородное устранение препятствия под показной заботой.

— Я здорова, — твердо произнесла, глядя ему в глаза. — Мои руки дрожали от волнения за тебя. Разве преданность теперь считается болезнью?

— Твоя «преданность» становится бременем, — он наклонился ниже, и его лицо исказилось гневом. Он перестал

себя сдерживать слишком быстро. — Ты думаешь, я не понял? Ты специально пролила вино. Ты что-то знаешь, маленькая дрянь? Или ты просто решила поиграть в ревность?

— Я ничего не знаю, — солгала даже не моргнув. — Я лишь вижу, что ты хочешь избавиться от меня.

— Я спасаю твою репутацию! — прошипел он. — Если ты сейчас же не сядешь в повозку, то я объявлю тебя одержимой злыми духами. Тогда тебя свяжут и увезут силой. Выбирай: ехать как благородная дева на покой или как безумная в цепях.

Я посмотрела на повозку, свою «благородную» клетку. Если я сяду туда, то стану трупом. Цзи Сичэнь не успеет помочь мне в горах, и меня быстро зарежут наемники.

Мне нужно было сломать ситуацию здесь и сейчас. Нужен скандал и такой громкий, чтобы эхо его докатилось до дворца, и такой грязный, чтобы Гуань Юньси сам захотел отмыться от меня, но не мог убить тайно, потому что все взгляды будут прикованы к нам.

— Хорошо, — тихо произнесла я и медленно поднялась. — Я поеду, но сначала я хочу забрать свое приданое и брачную грамоту.

— Брачную грамоту? — Гуань Юньси недоверчиво прищурился. — Зачем она тебе в монастыре?

— Хочу помнить, что я невеста Министра. Это единственное, что у меня осталось.

Он колебался секунду, а потом кивнул. Видимо решил,

что она там ничего стоять не будет, и что я до сих пор его люблю, раз решила прихватить грамоту, чтобы не забывать.

— Хорошо. Идем к отцу. Покончим с этим быстро.

Мы вошли в дом. В главном зале сидел мой отец, Мо Чжиюань, который выглядел как обычно — с похмелья, с мутными глазами и трясущимися руками. Увидев Гуань Юньси, он вскочил, чуть не опрокинув столик.

— Министр Гуань! Какая честь! Простите за беспорядок, мы не ждали...

— Мо Чжиюань, — прервал его Гуань Юньси холодно. — Твоя дочь больна, я забираю её на лечение. Подготовь брачную грамоту, хочу убедиться, что она будет храниться в надежном месте, пока Юйлань... выздоравливает.

Отец засуетился и забегал, кланяясь. Он не мог нормально сообразить, зачем вдруг он Гуань Юньси потребовался.

— Конечно, конечно! Юйлань действительно... странная в последнее время. Лечение — это милость с вашей стороны!

Он достал из шкатулки свиток красного шелка с золотыми печатями, бумагу, которая связывала меня с убийцей.

Гуань Юньси протянул руку, чтобы взять его, и как раз в этот момент я перехватила свиток быстрее него. Мои пальцы вцепились в шелк, как клещи.

— Нет! — мой голос зазвенел в тишине зала, отражаясь от балок потолка.

Гуань Юньси замер. Отец открыл рот.

— Юйлань, отдай, — угрожающе произнес Гуань Юньси.

— Лечение? — я рассмеялась, голос был полон горечи и истерики. Я отступила на шаг, прижимая свиток к груди. — Ты называешь ссылкой в горы лечением? Ты хочешь запретить меня, чтобы жениться на Ван Цзяоюэ!

Имя прозвучало в воздухе, как гром среди ясного неба. Глаза Гуань Юньси расширились. Он не ожидал, что я назову имя и тем более сделаю это так.

— Замолчи! — рявкнул он.

— Не замолчу! — закричала я, поворачиваясь к отцу и слугам, которые столпились в дверях. — Отец! Он предал нас! Он спит с дочерью клана Ван уже полгода и обещал ей место главной жены! А меня он хочет сгноить в монастыре, чтобы я не мешала!

— Ты лжешь! — Гуань Юньси шагнул ко мне с лицом залитым кровью. Он окончательно потерял самообладание.

— Лгу? — я развернула свиток. — Тогда поклянись! Поклянись на этой грамоте, на крови своих предков, что ты не дарил Ван Цзяоюэ нефритовую подвеску в форме лотоса три дня назад!

Это была провокация. Я видела эту подвеску у него в кабинете в прошлой жизни, но не знала, кому она предназначалась. Но его реакция сказала всё. Он побледнел.

— Ты следила за мной? — прошипел он.

— Ты — подлец, Гуань Юньси! — кричала так, чтобы слышали даже на улице. — Ты использовал мой клан, выпил мою силу, а теперь выбрасываешь меня как мусор! Я не по-

еду в твой монастырь! Я не буду твоей ширмой!

— Стража! — взревел Гуань Юньси. — Взять её! Она безумна!

Двери распахнулись и в зал ворвались гвардейцы. О Великое Небо. Если они схватят меня сейчас, то я проиграла. Я не могла этого допустить!

Подбежала к жаровне, стоявшей в центре зала. Угли в ней тлели красным, как глаза демонов. То, что нужно.

— Не подходите! — занесла свиток над огнем.

— Стой! — Гуань Юньси дернулся вперед. Уничтожение брачной грамоты императорского образца считалось преступлением, но и также несмываемым позором. Это заявление миру: «Этот брак проклят».

— Я, Мо Юйлань, дочь клана Мо, — произнесла я, глядя в огонь, — разрываю помолвку с Гуань Юньси! Я отказываюсь быть женой клятвопреступника и лжеца! Пусть Небеса будут мне свидетелями!

Бросила красный шелк на угли. Ткань вспыхнула мгновенно. Пламя лизнуло золотые иероглифы, пожирая наши имена, даты и будущее.

Гуань Юньси застыл и только и мог смотреть на горящий свиток с ужасом. Он не любил меня, мне это было прекрасно известно. То, что я сделала, было огромным скандалом. Невеста Министра Церемоний сама разорвала помолвку, обвинив его в измене. Теперь он не мог просто убить меня потихому, потому что об этом случае все будут говорить. Лю-

бой нищий будет знать, что Мо Юйлань разорвала брачный свиток из-за измены.

Если я умру завтра, все решат, что это он отомстил, и это бросит тень на его новый пост.

Я подняла глаза и сквозь дым и пламя наши взоры встретились. В его глазах я видела желание убить меня прямо здесь голыми руками. И кажется он готов уже добровольно перешагнуть эту грань.

— Ты... — его голос дрожал от бешенства. — Ты понимаешь, что наделала? Ты уничтожила себя. Кому ты теперь нужна? Опозоренная, нищая, скандальная баба. Ты подписала себе приговор.

— Лучше быть опозоренной живой, чем «почтенной» мертвой, — ответила я тихо, когда пепел от свитка осел серыми хлопьями.

В зале повисла тишина. Отец, который все это время стоял с открытым ртом, вдруг очнулся. Он понял, что произошло. Я только что оскорбила самого влиятельного человека при дворе и уничтожила надежду клана Мо на возвышение.

— Ты... мерзкая тварь! — взвизгнул отец.

Прежде чем я успела среагировать, он подскочил ко мне и ударил по лицу. Удар был настолько сильным, что я упала, ударившись плечом о пол. Во рту появился солоноватый вкус крови, в ушах зазвенело. Моему отцу было плевать на меня, он даже не мог понять, что главная змея в доме — не я. И что это Гуань Юньси нас всех предал.

— Вон! — орал отец, брызгая слюной. — Вон из моего дома! Ты мне не дочь! Ты опозорила нас! Я вычеркиваю тебя из родословной книги! Уходи и сдохни в канаве!

Я медленно поднялась, держась за горящую щеку и посмотрела на Гуань Юньси. Он стоял, скрестив руки на груди, и наблюдал за этим с холодным удовлетворением. Ему не пришлось пачкать свои руки, его желание исполнил мой отец.

— Видишь, Юйланы? — сказал он мягко, даже почти ласково. — Тебе некуда идти. Мир отвернулся от тебя. Может, монастырь был не таким уж плохим вариантом?

— Уходи, Гуань Юньси, — сказала я. — Уходи из дома, где тебе не рады.

Он усмехнулся.

— Я уйду, мне здесь больше нечего делать. Но помни: в столице ночи темные, а у одиноких женщин век недолог.

Он резко развернулся, взмахнув лапами плаща, и вышел. Гвардейцы последовали за ним. Я осталась одна с отцом, который трясся от ярости.

— Чего ты ждешь?! — заорал он. — Убирайся! Чтобы духу твоего здесь не было! Забирай свои тряпки и проваливай!

Я смотрела на него с холодом, но внутри разрасталась темная дыра, которая вымораживала мое естество. Казалось я снова почувствовала сталь внутри, но вместо крови из меня лился жидкий лед.

Прошла в свои покои. А-Ли стояла в коридоре, прижав

руки ко рту, по её щекам текли слезы.

— Госпожа... — всхлипнула она. — Я пойду с вами!

— Нет, — положила руку ей на плечо. — Ты останешься здесь. Если ты пойдешь со мной, то погибнешь. Оставайся, присматривай за домом. Может быть, однажды я вернусь.

Я вошла в покои в последний раз и взяла лишь самое необходимое. Небольшой узелок с парой сменных рубаш, мешочек с лекарственными травами, которые сушила сама, и шпильку из кости, которую вчера точила о камень. Денег не было, ценных украшений тоже.

Я вышла из ворот поместья Мо под проливной дождь. Тяжелые створки захлопнулись за моей спиной с глухим стуком.

Я стояла посреди улицы, мокрая, с разбитой губой, изгнанная и опозоренная. Мимо проходили люди, прячась под зонтиками. Никому не было дела до одинокой фигурки.

Куда мне идти? В гостиницу? Без денег не пустят. К дальним родственникам? Они закроют двери, узнав о гневe Гуань Юньси.

Я сделала шаг, потом другой. Ноги вели меня сами в сторону западной части города, где стены были выше, тени гуще, а законы писались кровью. К кварталу Тайной Канцелярии.

Цзи Сичэнь сказал: «Завтра ты станешь моей собственностью». Он шутил? Или угрожал? Но сейчас это не имело значения. У меня был долг, а у него долг передо мной. Я дала

ему доказательства и этим самым разрушила свой мир, чтобы дать ему оружие.

Дождь усилился, превращаясь в сплошную стену воды. Я шла, и мне казалось, что я смываю с себя не только грязь, но и остатки той наивной девочки, которой я была.

Внезапно в переулке, впереди меня, мелькнула тень. Я остановилась, сжав в руке костяную шпильку. Из пелены дождя вышла высокая, в черном плаще с капюшоном фигура. Он стоял, перегородив мне путь.

— Ты долго шла, — раздался знакомый голос, прорезавший шум ливня. Это оказался Цзи Сичэнь.

Он откинул капюшон, и вода тут же намочила его черные волосы, заставив прилипнуть к бледному лбу. В его взгляде было что-то темное, он словно смотрел на сломанный, но драгоценный клинок, который нашел в грязи.

— Я слышал новости, — сказал он, подходя ближе. — Разрыв помолвки, сожженная брачная грамота, обвинение в измене... Ты умеешь устраивать представления, магнолия. Гуань Юньси сейчас рвет и мечет. Он уже отправил людей искать тебя по всем подворотням, чтобы убить.

— И ты нашел меня первым, — прохрипела я. Холод пробрал до костей, зубы начали стучать.

— Я не искал тебя, — он усмехнулся. — Я просто ждал на твоем пути. Я знаю, что тебе больше некуда идти.

Он протянул руку с чёрным зонтом из промасленной бумаги.

— Ты сожгла мосты и теперь ты стоишь на пепелище своих же решений.

— Я стою под дождем, — поправила я. — И мне холодно.

— Холод полезен и прочищает мысли, — Цзи Сичэнь раскрыл зонт и шагнул ко мне, накрывая нас обоих черным куполом. Шум дождя сразу стал глуше, стало уютнее. — Добро пожаловать в ад, Мо Юйлань. Или, как мы его называем, в усадьбу Сюань.

— Я не служанка, — тихо и твердо произнесла я, глядя его плащ.

— Ты — должница, — отрезал он. — А кем ты станешь зависит только от тебя. Идем, Гуань Юньси спустил собак. Если мы останемся здесь еще на минуту, мне придется убить слишком много людей, а я не люблю работать в выходной.

Он повернулся и пошел вперед, не проверяя, иду ли я за ним или нет. Был так уверен, что я пойду, потому что больше некуда. И я пошла след в след за Темным принцем, в его тень, под его черный зонт.

Глава 6

Усадьба Сюань, резиденция Тайной Канцелярии, оправдывала свое название. Здесь было очень тихо, только ветер гулял и свистел, словно потерявшись. Мы вошли через боковые ворота. Молчаливые стражники в масках демонов коротко поклонились Цзи Сичэню и пропустили нас. Никто не спросил, кто эта промокшая до нитки оборванка, идущая за их господином, и не оглядывался. Хотя может они и смотрели, но мне об этом было неизвестно. Одно ясно, здесь не задавали вопросов и только беспрекословно исполняли приказы.

Цзи Сичэнь вел меня лабиринтом коридоров. Камень под ногами сменился темным деревом, которое глушило шаги. Оно было таким... новым. Может именно поэтому оно не скрипело. В воздухе витал запах бумаги, железа и тонкий, едва уловимый запах лекарственных трав. Я едва переставляла ноги. Сила после схватки с Гуань Юньси и отцом выветрилась, оставив после себя усталость. Мокрая одежда тянула вниз, разбитая щека пульсировала тупой болью, тело трясло.

— Это здесь, — он толкнул створку.

Комната была небольшой, словно у монахини. Узкая кровать, стол, стул, шкаф. Окно выходило во внутренний дворик, где рос одинокий, искривленный ветром кипарис.

— Это не гостевые покои, — заметила я, опираясь о ко-

сяк, чтобы не упасть.

— А ты не гостья. — Цзи Сичэнь прошел внутрь и зажег лампу. Свет выхватил из полумрака его резкие черты. Теперь я могла рассмотреть его лучше, так как дождь размывал очертания его лица. Он выглядел уставшим. Под глазами залегли тени, на скуле виднелся свежий шрам. — Это комната для... временного персонала. Тех, кого нужно спрятать, но кто еще не заслужил доверия. — Он повернулся ко мне и бросил на кровать стопку одежды. — Переоденься. Твои тряпки оставляют лужи на полу. Это мужская одежда слуги. Женского платья у меня здесь нет, извини, наложниц не держу.

— Спасибо, — прохрипела я и шагнула к кровати, и тут ноги предательски подогнулись. Мир крутанулся. пол стремительно приблизился к лицу. Но так с ним столкнуться и не удалось. Сильные руки подхватили меня за мгновение до удара.

Цзи Сичэнь держал меня, прижимая к себе, отчего я поняла, что его одежда очень даже сухая и теплая, несмотря на то, что он стоял под дождем в плаще. Скорее всего плащ принял весь удар на себя, поэтому она не промокла. Уткнулась носом в его грудь, вдыхая его запах. На миг мне показалось, что его объятия были самыми безопасными в мире.

— Эй, — его голос прозвучал где-то над макушкой. — Не смей умирать у меня на руках. Я только что вытащил тебя.

— Я не умираю. Я просто... устала.

Он вздохнул с раздражением и подхватил меня на руки так легко, словно я ничего не весила, донес до кровати и усадил.

— Сиди. Я принесу вина и горячей воды. Если потеряешь сознание, я вылью воду тебе на голову.

Он вышел, оставив меня одну в чужой комнате среди врагов. Но я почему-то не боялась, было только лишь ощущение, что я попала в логово хищника, который надумал меня пока не есть. Стянула с себя мокрое платье, которое упало на пол тяжелой, грязной кучей. Кожа покрылась мурашками, и я мигом, чтобы скрыться от холода, натянула сухие штаны и рубаху из серого хлопка. Одежда была велика, рукава пришлось закатывать, но она пахла мыльным корнем.

Дверь открылась, Цзи Сичэнь быстро вернулся, неся на руках поднос с кувшином и миской, и поставив его на стол, налил вина в чашку и протянул мне.

— Пей. Это согреет кровь.

Взяла чашку двумя руками, чтобы не расплескать, и сделала глоток. Жидкость огнем прокатилась по горлу. Язык распробовал крепкое рисовое вино с добавлением других трав.

— Спасибо, — произнесла я. Цзи Сичэнь присел на край стола, скрестив руки на груди, и посмотрел на меня, как на неведомую зверушку.

— Ты удивила меня, Мо Юйланы. Я думал, ты сломашься, когда отец ударил тебя. Большинство девиц твоего круга

упали бы в обморок или начали молить о прощении.

— Я больше не девица моего круга, — ответила я, глядя в чашку. — У меня нет круга.

— Верно, ты теперь никто. Изгнанница и опозоренная, и именно поэтому ты мне полезна.

— Полезна? — Подняла лицо. — Как? Мыть полы? Стирать твои плащи?

— Полы моют другие, — он криво усмехнулся. — Твои таланты лежат в другой стезе. Ты знаешь двор, этикет, знаешь, как улыбаться, когда хочется убивать и главное — ты знаешь Гуань Юньси, его привычки, страхи и связи. — Он наклонился вперед, глаза блеснули. — Император поручил мне негласное расследование коррупции в Министерстве Церемоний. Твоя наводка с книгой была хороша, но это только начало. Гуань Юньси хитер и уже начал замечать следы, сваливая вину на подчиненных. Мне нужен кто-то, кто поможет мне читать между строк, кто сможет проанализировать его переписку и встречи. Мне нужно понять, как он думает, и показать это сможешь только ты.

— Ты хочешь, чтобы я стала твоим тайным советником? — я была поражена. Я думала, он возьмет меня в шпионки или наложницы. Но советник... это работа для ума.

— Я хочу, чтобы ты стала моим оружием, — поправил он. — Но оружием скрытым. Для сторонних глаз ты будешь числиться служанкой в архиве. Никто не должен знать, кто ты. Если Гуань Юньси узнает, что ты здесь, то пойдет на крайние

меры. Он может даже попытаться захватить Канцелярию, обвинив меня в похищении его «больной» невесты.

— Бывшей невесты, — жестко сказала я. — Я сожгла контракт.

— Для закона — да, но для его уязвленного эго ты все еще его собственность, которая сбежала. — Он встал и подошел к окну. — Ты останешься здесь. Завтра я дам тебе работу. Но запомни правила, Мо Юйланы. Первое: ты не покидаешь поместье без моего разрешения. Второе: ты не говоришь ни с кем, кроме меня и моего помощника. Третье: ты не лжешь мне никогда. Если я поймаю тебя на лжи, то вышвырну за ворота к Гуань Юньси.

— Я не солгу тебе, Цзи Сичэнь. У нас одна цель — его голова.

— Хорошо. — Он направился к двери, но остановился у порога. — И еще кое-что. Твое лицо.

— Что с ним? — коснулась разбитой щеки, которая болела.

— Оно слишком узнаваемое даже в одежде слуги. Красота — это проклятие, когда нужно быть тенью. — Он достал из кармана маленькую баночку и бросил мне. Я поймала её на лету. — Это мазь из сока грецкого ореха и золы. Она изменит оттенок кожи, сделает её смуглой и серой. И нарисуй себе родинку или шрам. Придумай новую внешность. Мо Юйланы сгинула на улице. Придумай себе новое имя.

Дверь закрылась за ним и прозвучал щелчок. Оставшись

сама с собой, я крутила в руках баночку и думала над новым именем. Мне придется его взять, если я хочу выжить. А я выживу любой ценой, и заберу голову Гуань Юньси.

Подошла к зеркалу, из которого на меня смотрела странная девушка в мужской одежде, с распухшей щекой и горящими ненавистью глазами.

Мо Юйлань — Магнолия. Нежный, хрупкий цветок, созданный для любования. И этот цветок растоптали... Внезапно перед глазами предстало недавнее воспоминание. Холодный ветер на террасе, лед в глазах Гуань Юньси и вкус крови на губах.

— Нин, — прошептала я. — Нин Шуан.

Колючий, застывший иней, покрывающий все, когда уходит тепло. Иней может быть красивым, но он убивает цветы.

Открыла баночку, в которой вольготно расположилась черная маслянистая паста. Зачерпнула немного пальцем и провела по щеке, замазывая бледность и свое настоящее лицо.

— Здравствуй, Нин Шуан, — сказала я своему новому отражению, привыкая к новому имени, и легла на жесткую кровать. Тело болело, но разум был ясен как никогда. Я была в относительной, но все же безопасности. У меня есть крыша над головой, еда и цель. Теперь нужно действовать.

Глава 7

Цзи Сичэнь

Я шел по длинному коридору западного крыла, и каждый шаг отдавался глухой болью в левом боку. Меня бросало в жар. Проклятый убийца из клана Ли Хо Шэ оказался быстрее, чем я рассчитывал. Кинжал, смазанный ядом, прошел по касательной, распоров кожу на ребрах, но не задев внутренних. Повезло. Если бы я был на мгновение медленнее, мыли бы сейчас мои кости в вине, готовя к погребению.

Прижал ладонь к боку, чувствуя, как ткань нижней рубахи пропитывается влагой. Кровь не останавливалась, яд мешал. Мне нужно было пойти в лекарское крыло, к старому брюзге лекарю Фэну, чтобы он прижег рану и дал противоядие. Но ноги сами несли меня в другую сторону, к комнате, где я запер свою добычу. Мо Юйлань. Или Нин Шуан, как она теперь себя называла.

Усмехнулся, скривившись от боли. Забавная девчонка. Я ожидал увидеть истерику, слезы, мольбы вернуть её домой к папочке, но ничего из этого не произошло. А я видел много благородных девиц, чья жизнь рушилась в одночасье. Обычно они ломались, как сухие ветки, стоило им столкнуться с первой настоящей трудностью. Голодом, холодом или презрением.

Но эта была сделана из другого материала. Из того же, из

которого куют клинки — стали и льда. То, как она сожгла брачную грамоту, глядя в глаза Гуань Юньси... В этом было безумное, но все же величие.

Остановился у её двери. В щели виднелся слабый свет, отчего я мог разглядеть все в помещении. Она не спала. Час Крысы. Глубокая ночь. Нормальные люди спят, набираясь сил перед каторгой, в которую превратится её жизнь завтра, а она даже не представляла, что её ждет.

Щелкнул засовом и толкнул дверь, не постучавшись. Это мой дом, и здесь нет запертых дверей для хозяина, поэтому я имел полное право сюда войти. В нос тут же проник острый запах.

Она сидела за столом, ссутулившись над тусклым пламенем свечи. На ней была грубая мужская одежда, что я дал ей. Великоватая рубаша сползла с одного плеча, открывая тонкую, хрупкую ключицу. Её черные и на вид тяжелые волосы были распущены и падали на лицо завесой.

Она точила тонкую, длинную шпильку из кости. Водила ей по небольшому точильному камню, который нашла, вероятно, в ящике стола. Мо Юйлань подняла голову, когда я вошел, и я заметил изменения в её внешности. Кожа стала смуглой, что означало, что мазь сработала отлично. На щеке она нарисовала уродливое родимое пятно. Теперь она выглядела как замарашка, каких тысячи на рынках столицы. Все, что от неё осталось — это глаза. Глубокие, темные омуты, в которых утонула её прошлая жизнь.

— Ты не спишь, — уткнулся плечом о косяк и постарался стоять ровно, чтобы не выдать боль.

— Кошмары приходят, когда закрываешь глаза, — ответила она спокойно, откладывая шпильку. — А наяву я могу ими управлять.

Она меня внимательно осмотрела. Её взор скользнул по моему лицу, по напряженной челюсти, спустился ниже... и замер на моем левом боку. На черной ткани плаща кровь была почти не видна, но опытный глаз мог заметить, как ткань прилипла к телу, и как изменилась моя осанка.

— Кровь, — тихо произнесла она и повела носом. — И горький запах... Яд?

— Царапина, — отмахнулся я, делая шаг внутрь и закрывая дверь ногой. — Жить буду.

— С ядом? — она быстро, но плавно поднялась. — Если не принять меры, к утру у тебя начнется лихорадка, а к полудню отнимутся ноги.

— Ты слишком много знаешь для благородной девы, которая только и делала, что вышивала пионы, — прошел к стулу и тяжело опустился на него. Сил стоять больше не было.

— Я лечила Гуань Юньси, — её голос стал ледяным при упоминании этого имени. — Он часто возвращался с тренировок побитым. Или с тайных встреч. Мне пришлось выучить трактаты по медицине, чтобы не звать врачей и не вызывать лишних вопросов. — Она подошла ближе, отчего

я смог почувствовать запах врученной мази из грецкого ореха. — Сними плащ, — приказала она.

— Ты командуешь мной в моем же доме, служанка? — Я поднял бровь.

— Я пытаюсь спасти твоё дело, хозяин, — парировала она, глядя мне прямо в глаза. — Если ты умрешь, Гуань Юньси найдет меня и убьет. Так что твоя жизнь — это залог моего выживания. Снимай.

Дерзкая. Слишком дерзкая. Мне захотелось схватить её за горло и напомнить, кто здесь главный охотник. Но боль пронзила бок новым спазмом, и перед глазами поплыли темные пятна. Я молча развязал завязки плаща. Тяжелая мокрая ткань упала на пол. Затем сдернул верхний халат, осталась только нижняя рубаха, пропитанная кровью насквозь. Её я уже не смог снять. Удивила реакция Мо Юйлань. Она не поморщилась и даже не дрогнула.

— Вода есть? — спросила она.

— В кувшине.

— Вино?

— На столе.

— Чистая ткань?

— Найди что-нибудь, — буркнул я, закрывая глаза. Голова кружилась.

Я слышал, как она двигается по комнате. Сначала шуршание ткани, а потом её разрыв, звон искомой посуды и вскоре плеск воды. Я почувствовал, как её руки коснулись моего те-

ла. Пальцы у неё были холодными. Даже не так. Ледяными. Но мне было приятно, он умирал жар, пылающий в ране.

— Будет больно, — предупредила она.

— Я привык.

Она разорвала мою ткань на плече, так как я не смог больше раздеться. Ткань с хрустом разошлась, обнажая рану. Длинный, уродливый порез проходил вдоль ребер, и его края уже начали темнеть от яда. Мо Юйлань... нет, Нин Шуан... нахмурилась и склонилась над раной, изучая её. Её волосы коснулись моего плеча, щекоча кожу.

— Яд глубоко, но не смертельно, если вычистить прямо сейчас, — пробормотала она себе под нос. — Мне нужно прижечь это и вытянуть мерзость.

Она взяла чашку с вином, набрала в рот и, прежде чем я успел понять, что она делает, прыснула вином прямо на рану.

— Проклятье! — зашипел сквозь зубы, пальцы впились в деревянные подлокотники стула так, что дерево затрещало. Боль ослепляла, словно к боку приложили раскаленное железо.

— Терпи, — жестко произнесла она, как злой лекарь. — Сейчас будет хуже.

Она взяла свою шпильку, окунула её в вино и подержала над пламенем свечи.

— Что ты делаешь? — прохрипел я, наблюдая за ней сквозь пелену боли.

— У меня нет инструментов, поэтому придется исполь-

зовать то, что есть. Нужно вскрыть края, чтобы яд вышел с кровью.

Я заглянул в её глаза и не увидел там ни капли жалости. Только щепетильную сосредоточенность. С одной стороны меня это напрягало, а с другой я понимал, что попал в надежные руки. А еще в её глазах... было темное удовлетворение. Ей нравилось видеть мою боль? Или чувство власти над тем, кто сильнее её? И это меня немного развеселило.

— Режь, — выдохнул я.

Она вонзила острие шпильки в рану, и мир схлопнулся до одной точки боли. Я глухо зарычал, откинув голову назад. Пот градом катился по лицу, застилая зрение кровавой пеленой. Единственное, что успокаивало — она работала быстро. Руки Нин Шуан были твердыми, она не сделала ни единого лишнего движения. Пальцы вычищали отравленную плоть, промывали вином, и снова чистили. Кровь текла струями и капала на пол, смешиваясь с грязью и вином.

Но я ощущал не только боль. Это действие было слишком личным, сокровенным. Мы находились вдвоем в тесной комнате, в круге света от свечей. Запах крови, вина и пота смешивался в густой, дурманящий аромат. Я чувствовал её дыхание на своей коже, видел капельки пота на её лбу и как она закусила губу от усердия.

— Готово, — наконец произнесла она, откладывая окровавленную шпильку и откуда-то взявшуюся иглу. Меня уже зашили. — Теперь перевязка.

Она взяла полосы ткани, которые нарвала из простыни, и начала бинтовать меня. Нин Шуан пришлось обхватить меня руками, чтобы пропустить бинт за спиной. В этот момент она оказалась совсем близко. Её лицо было напротив моего, отчего я чувствовал тепло её тела сквозь тонкую ткань её рубахи.

Внезапно я перехватил её запястье, и она замерла. Её глаза расширились, встретившись с моими. В них мелькнул испуг, но она не отстранилась.

— Почему ты не отравила меня? — прохрипел я. — Ты могла бы. Одно неловкое движение шпилькой — и жила перебита. Я был беспомощен, как щенок. Ты могла бы забрать ключи, деньги и сбежать.

— И куда бы я побежала? — она не пыталась вырвать руку. Её пульс под моими пальцами бился ровно и спокойно. — В лес? К волкам? Ты — мое единственное укрытие, Цзи Сичэнь. Какой смысл ломать крышу, которая защищает от дождя, даже если эта крыша протекает? К тому же я сама за тобой пошла.

— Ты цинична.

— Жизнь научила.

Я смотрел на её руку в своей ладони. Тонкая кисть, длинные пальцы, дарованные древней кровью знатного рода. Теперь на этих пальцах была моя кровь. Красные разводы на бледной коже. Это выглядело... пугающе красиво.

— У тебя руки убийцы, магнолия, — прошептал я, прово-

для большим пальцем по её запястью, размазывая пятно крови. — Нежные, но они могут принести смерть.

Её дыхание сбилось, я тут же сметил это. Кажется, я отколол от её брони кусочек. Она боялась меня, потому что я бездонная яма, но её тянуло к тьме этой ямы. Её глаза говорили обо всем, что с ней происходило.

— Я не убийца, — голос её дрогнул. — Я просто хочу выжить.

— Выживание — это и есть убийство. Ты убиваешь свои страхи, принципы и даже совесть. А иногда и других людей.

Я отпустил её запястье, и она тут же отстранилась, заканчивая перевязку.

— Тебе нужно поспать, — произнесла она, отходя к столу и начиная убирать следы того, что здесь произошло. — Яд еще бродит в крови. Будет знобить.

Я попытался встать, но комната качнулась.

— О Небеса...

— Лежи здесь, — она кивнула на свою узкую кровать. — Ты не дойдешь до своих покоев. Упадешь в коридоре, и твои люди решат, что я тебя зарезала. Мне проблемы не нужны.

Она была права. Но спать в кровати служанки? Это ниже моей чести. Но я понимал, что мне придется перешагнуть через неё, если хочу выжить. С трудом перебрался на жесткую циновку.

— А ты? — спросил я, когда она накрыла меня одеялом.

— А я посижу, — она села на стул, снова беря в руки

шпильку и тряпку, чтобы очистить её от крови. — Кто-то же должен следить, чтобы ты не умер во сне.

Я смотрел на неё сквозь слипающиеся ресницы. Она сидела боком, и свет свечи очерчивал её силуэт. Гордая посадка головы, прямая спина, даже в лохмотьях и с нарисованным уродливым родимым пятном она выглядела как госпожа знатного рода в изгнании.

— Нин Шуан, — позвал я.

— Что?

— Гуань Юньси — идиот.

Она замерла на секунду и потом уголок её губ дернулся в едва заметной усмешке.

— Я знаю. Спи, Темный принц. Завтра будет долгий день.

Я закрыл глаза. Боль отступала, сменяясь тяжелой, вязкой дремотой. Последнее, что я слышал перед тем, как провалиться в сон, был тихий, ритмичный звук заточки. Она снова точила свою шпильку.

Я открыл глаза. Голова была тяжелой, во рту пересохло, но лихорадка ушла. Рана ныла, но отравление было позади. Она заживала и словно ругала своего хозяина, который посмел так пораниться.

Приподнялся на локте. Комната была пуста, стол чист, окровавленные тряпки исчезли. На стуле аккуратно висел мой вычищенный плащ. Даже прорезь на рубахе была зашита грубыми стежками. Нин Шуан не было.

Тревога уколола сердце. Сбежала? Нет, не позволю.

Спустил ноги с кровати, морщась от боли, и поднялся. Меня немного качало, но силы возвращались. У меня всегда раны быстро заживали. Наследие матери, которая, по слухам, была из племени шаманов севера.

Дверь открылась, и она вошла. В руках Нин Шуан держала деревянный поднос с двумя чашками дымящегося отвара и паровыми булочками. Она выглядела свежей, собранной. Волосы были заплетены в тугую косу, одежда приведена в порядок.

— Очнулся, — она поставила поднос на стол. — Я принесла завтрак и отвар из полыни, чтобы вывести остатки яда. Пей.

— Где ты взяла еду? — Подошел к столу. — Кухня в другом крыле.

— Я сходила, — пожала Нин Шуан плечами. — Сказала, что новая помощница старшего книжника и мне велено отнести еду господину Цзи, который работает с важными документами и не желает, чтобы его беспокоили. Повар был так напуган твоим именем, что наложил мне целую гору.

— Ты быстро учишься. — Усмехнулся, беря булочку. — Использовать мое имя как таран. Неплохо.

— Я же сказала, что приспособливаюсь.

Мы ели в тишине. Это было необычное утро. Я всегда завтракал один, просматривая доклады шпионов, но сейчас напротив меня сидела женщина, которая вчера была невестой

министра, а сегодня жевала простую паровую булку с таким видом, словно это деликатес.

— Что дальше? — спросила Нин Шуан, допив отвар. — Ты обещал дать мне работу.

Я отставил чашку и серьезно взглянул на неё.

— Дальше — работа. Сегодня я познакомлю тебя с библиотекой. Твоя задача — найти связь между Гуань Юньси и поставками шелка из провинции Шу. Есть подозрение, что он использует государственные караваны для контрабанды соли.

Её глаза загорелись.

— Провинция Шу... — она задумалась. — У клана Гуань там есть дальняя родня. Дядюшка Гуань Юньси владеет кра-
сильнями. Если они прячут соль в рулонах шелка...

— Вот именно. Ты должна найти доказательства в наклад-
ных. Но учти: архив огромен, там пыльно, темно, и никто не
будет тебе помогать.

— Я справлюсь.

— И еще, — встал, проверяя повязку на боку, и та держа-
лась крепко. — Сегодня во дворце переполох. Гуань Юньси
подал прошение о розыске «пропавшей» невесты. Он утвер-
ждает, что тебя похитили разбойники и назначил награду.

Она побледнела, но лишь на мгновение.

— Какая награда?

— Тысяча золотых лянов.

Она хмыкнула.

— Он оценил меня дороже, чем когда я была жива. Какая щедрость.

— Будь осторожна, Нин Шуан. В моей усадьбе есть шпионы других ведомств. Если кто-то заподозрит, кто ты, то я не смогу защитить тебя. Носи образ, не поднимай глаз и будь тенью. Только так ты выживешь.

— Я буду тенью, — она встала и поклонилась с достоинством равного. — Спасибо, что не умер ночью. Мне бы не хотелось искать нового хозяина.

Я смотрел на неё и чувствовал, как внутри что-то меняется. Лед в её голосе и сталь в глазах... она была мне понятна. Нин Шуан такая же, как я. Искалеченная, выброшенная, но не сломленная.

— Иди, — сказал я. — Мой помощник ждет тебя у входа в библиотеку. И... Нин Шуан?

— Да? — Она остановилась у двери.

— У тебя хороший почерк. Твои швы на моей рубаше — самые аккуратные из тех, что мне приходилось видеть.

Она не обернулась, но я увидел, как напряжение в её плечах чуть спало.

— Это вышивка двойного узла, — сказала она тихо. — Она держит крепче, чем обычная нить, чтобы ты не развалился на части, пока мы не закончим с Гуань Юньси.

И вышла, оставив меня одного. Я прикоснулся к зашитому разрезу на рубаше. Двойной узел. Узел, который связывает две части. Прямо как нас.

Подошел к окну, замечая, что дождь кончился. Гуань Юньси решил загнать дичь в угол, но он не знал, что эта дичь на самом деле дикий зверь, у которого теперь есть клыки. Глупец.

Я надел чистый плащ, скрывая рану, и вышел в коридор. Пора навестить своих шпионов.

Глава 8

Библиотека Тайной Канцелярии напоминала чрево огромного, спящего зверя. Здесь не было окон, лишь узкие отдушины под самым потолком, через которые сочился скупой свет, неспособный разогнать вековые сумерки. Воздух был плотным, неподвижным. Пыль кружилась в лучах света, оседала на полках, на плечах и даже на ресницах.

Я провела в этом подземелье уже три дня. Мои руки теперь были перепачканы чернилами и покрыты мелкими порезами от краев бамбуковых свитков. Сп

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.